

БЕЛОРУССКИЙ ФОЛЬКЛОР – БОГАТЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Белорусский фольклор – богатейший источник исторических и культурных знаний, система исторической памяти белорусского народа. Он включает в себя почти все жанры устного народного творчества и жанры, связанные с этим творчеством: календарная и семейно-обрядовая поэзия, сказки, предания и легенды, пословицы и поговорки, загадки, заговоры, народный театр в разных его видах, социально-бытовую лирику и анекдоты и т.д. Вместе с тем, в белорусском фольклоре как таковом нет отдельных, которых не было у иных славян произведений типа былины или думы, но есть свой, весьма разнообразный героический и исторический эпос, который зафиксировал все важнейшие моменты героического прошлого белорусов, их страданий и успехов. Фольклор белорусской культуры – основа творчества его поэтов и писателей: В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, Я. Лучины, А. Гуриновича, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа. Неразрывная связь народного и авторского творчества отражает внимание народа к сохранению и передаче исторической памяти.

Историческая память – совокупность транслируемых из поколения в поколение исторических данных и мифов, осмысленных народом и его отдельными представителями и выраженных в фольклорных и иных произведениях и памятниках культуры рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда историческая память может быть рассмотрена как компонент коллективной (или социальной) памяти или – культурной памяти народа. Под нею понимается совокупность основных представлений народа о своем прошлом, закрепленное в памятниках культуры, традициях, произведениях и иных продуктах деятельности народа, его представителей. Источники формирования исторической памяти многообразны – тексты и гипертексты, включающие огромное число нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.) и т.д. Историческая память в современной науке есть область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти занимаются историки, социологи, этнографы и философы. В течение «долгого века» историческая память белорусов только начинала, благодаря фольклористам и другим исследователям культуры, истории белорусов, становится предметом исследований. Однако, в целом, сама по себе, историческая память белорусов весьма «цепка», народ бережно ранит и передает знания и умения из поколения в поколение, чем обеспечивает себе долгую и счастливую жизнь, выживание даже в самые трудные периоды и дружбу с другими народами.

Решением этих проблем занимается не так много ученых по всему миру. В Беларуси, одним из известных исследователей был Н. Я. Никифоровский, работавший на стыке XIX – XX веков, сотрудничавший с П. Шейном и Е. Ф. Карским [1; 3; 4; 20] и другими известными фольклористами. Он занимался сбором самого разного этнографического материала, прежде всего его интересовали духовная культура белорусов, их мифов и поверий, ритуалов и сказаний [1; 3; 4; 9; 12]. Н. Я. Никифоровский полагал, что в современной фольклористике нужно развивать идеи В. Я. Проппа [13; 14; 15], используя феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных композиций), в том числе – народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоления рабства», выхода из кризисов и т.д.) [16; 17; 18]. Если сравнить работы В. Я. Проппа с работами Н. Я. Никифоровского и его коллег [10; 12; 20], можно увидеть те же попытки: описать состояние народа после отмены кре-

постничества, переживание народом значимых событий, представление о прошлом и будущем, ритуалах, направлены на гармонизацию отношений человека с пространствами и временами его жизни [1; 8; 9; 12]. Н. Я. Никифоровский отметил важность понимания духовных и «псевдодуховных» – «потусторонних» оснований жизнедеятельности человека: описывая «нечисть» как невидимых врагов человека, которые, в отличие от видимых (нашествия завоевателей, голод, эпидемии), окружают его от рождения и до смерти и являются более грозными, чем реальные [8; 9]. Он отмечал, что «нечисть» и иные потусторонние силы властвуют над умами людей, передаваясь из поколения в поколение как беспрекословное правило жизни, которому надо следовать безо всяких сомнений и оговорок, или – защищаться – ритуалами и иными способами – без оговорок. В любом случае, важным моментом жизни человека становится «внимание к «знакам», зафиксированным в исторической памяти людей как предостережения или сопровождающие события, угрожающие или желанные для человека феномены» [10; 11; 12]. Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и этнографией и историей. Спирась на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, он и другие ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художественно-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». По его мнению, одно из важных направлений исследования народных текстов связан с постмодернизмом и теорией культурного критицизма. Постмодернизм отмечает, что хотя ученые воспринимали фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа. Однако, сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации полагают, что речь идет о совместном порождении: фольклор – это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа-информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою «предконцепцию». Такого рода саморефлексия – понимание своего вклада в фольклор – очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах, типа «причитаний» и т.д. контакт с исполнителем помогает «добиться» «естественного» текста: воздействие собирателя нужно учитывать изначально. Оно не обесценивает фольклор, как и другие этнографические данные. Кроме того, важно изучение в сравнении: фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Кроме того, важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [10; 12; 13], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Бондарчик, В. К. Николай Яковлевич Никифоровский : очерк жизни и деятельности / В. К. Бондарчик, И. Г. Чигиринов. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 103 с.

4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць; рэд. С. В. Марцэлеў і інш. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 496 с.
5. Кун, Г. Возвращение из преисподней / Г. Кун // Историк и художник. – 2007. – № 2. – С. 161–176.
6. Кушкова, А. Предметно-тематический указатель к сборнику Н. Я. Никифоровского / А. Кушкова // Антропологический форум. – 2009. – № 11. – С. 1–47.
7. Недорога, В. Перспективизм / В. Недорога // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3.
8. Никифоровский, Н. Я. «Нечистики», свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Вильна: Н. Мац и К°, 1907. – 106 с.
9. Никифоровский, Н. Я. Нечистики / Н. Я. Никифоровский // Призраки; сост. Ю. Медведев. – М., 1997. – Т. 8. – С. 387–456.
10. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного життя-бытья в Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 466 с.
11. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – 344 с.
12. Никифоровский, Н. Я. Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Минск: Полымя, 1995. – 149 с.
13. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1986. – 364 с.

Асіпчук А. М. (Гродна, Беларусь)

СТЫЛІСТЫЧНАЕ ВЫКАРЫСТАННЕ АНТОНІМАЎ У ПАЭЗІІ МАКСІМА ТАНКА

Адным са сродкаў мастацкай выразнасці ў мове паэтычных твораў Максіма Танка выступаюць антонімы. Кожная пара антонімаў выконвае пэўную стылістычную функцыю. Вылучэнне і аналіз стылістычных фігур праводзіліся на аснове значэння антанімічнага кантэксту. У разгледжаных вершах і паэмах антонімы служаць для стварэння такіх стылістычных фігур, як антытэза, амфітэза, дыятэза, фігур раздзялення, чаргавання, супярэчнасці, пераўтварэння.

Антытэза, якая найбольш ярка адлюстроўвае прыроду антаніміі, падкрэслівае максімальны кантраст паміж палярна супрацьлеглымі паняццямі. Напрыклад: Самыя раннія – веснія воды, Самыя познія – *цені змяркання, Самыя лёгкія – шчасныя гіды, Самыя цяжкія – слёзы расстання, Самыя ціхія – сцезжкі дубровы, Самыя звыкія – родныя гукі, Самыя чорствыя – крыўдныя словы, Самыя чужыя – матчыны рэкі, Найсаладзейшыя – ў лесе маліны, А найгарчэйшыя – дні на чужыне* [2, Т. 3, с. 269–270]; Ёсць не меней важныя, Як дзяржаўныя, Хоць і не астаўбаваныя, Граніцы – Граніцы паміж праўдай і няпраўдай, *Паміж* чорным колерам і белым, Дружба і варожасць, Быццём і небыццём, Жывой вадай і мёртвай... [2, Т. 5, с. 278]; Аддаў струны зорам, Сум – *вербам, калінам, А* радасць – азёрам, а рэха – даўнаму [2, Т. 1, с. 147]; Замятае дарогі зіма. Словы песні снуюцца: Што ад мілага веставанья, Ад нямілага шлюцца [2, Т. 2, с. 299]; Прызнацца, каб дазволілі і мне, А з вота я і правіўся б з табой, Бо там, за Пірэнеямі, Адкрыты бой пачаўся Між цемрай і святлом, *Між* смерцю і жыццём [2, Т. 7, с. 237] і інш. Антытэза ў прыведзеных прыкладах прадстаўлена як лексічнымі (ранні – позні, лёгкі – цяжкі, ціхі – звонкі, чорствы – чулы, найсаладзейшы – найгарчэйшы, белы – чорны, дружба – варожасць, жывы – мёртвы, радасць – сум, святло – цемра, жыццё – смерць), так і граматычнымі (праўда – няпраўда, быццё – небыццё, мілы – нямілы) антонімамі.

Занатавана некалькі прыкладаў разгорнутай антытэзы: Ды сёння не мог я прайсці, не спыніцца і не падзвіцца, як праз пальцы сонца Дождж прасяецца з куваннем

зяюлі, Як сад трапяткімі вуснамі лісця З рога вясёлкі п'е весною свежасць, Як ты нясеш ведры з крынічнай вадою: Ё адным – радасць стрэчы, Ё другім – сум расстання [2, Т. 5, с. 80]; Знаць, таму, каб іх [птушак] паслухаць, Сонца ў нас раней усходзіць / *Пазней, дзе б ні было там, За дрымотны лес* заходзіць [2, Т. 5, с. 280]; Яны [казкі] вучаць Родную мову любіць, На крылах юнацтва Ёдзімацца пад хмары, З няпраўдай змагацца, *А з* праўдай дружыць / аб недасяжным / сонечным марыць [2, Т. 3, с. 219].

Кампанентамі антытэзы з'яўляюцца і кантэкстуальныя (індывідуальна-аўтарскія) антонімы, якія сваім унутраным зместам, навізнай робяць мову твораў аўтара самабытнай і трапнай. У вершы «Трактат аб паэзіі» Максім Танк, заклікаючы сучаснікаў быць пільнымі, піша: Не забывайце ж Пра век, у якім мы жывём: Век супярэчнасцей грозных Паміж туцяводнымі зорамі / зорамі згаслымі, *Паміж* кавалкам хлеба / кавалкам цэгля астражнай, *Паміж* глытком жывой вады – / атрутнай, *Паміж* зялёным полымем лісця – / голымем крэматорыя, *Паміж* струнамі скрыпак, цымбал – / струнамі дрот-кальцяга, *Паміж* поўсціам крыл галубіных Пікаса / куль... [2, Т. 3, с. 255–256]. Па-за кантэкстам гэтыя словазлучэнні і асобныя лексемы, безумоўна, не ўступаць у антанімічныя адносіны, аднак для мастацкага твора – гэта сапраўдная знаходка, якая дапамагае стварыць адмысловыя зракавыя вобразы, пабудаваныя на кантрасце. Аналагічная ілюстрацыя кантэкстуальнай антытэзы ў вершы «Якубу Коласу»: Каб гэтак прайсці шлях жыццёвы бясконцы: Ад долі лапцюжнай да яснага сонца, *Ад* крошак батрачых да хлеба і солі, *Ад* кратаў астражных да шчасця і волі, *Ад* вузкіх палосак да ніў неабдымных, *Ад* песень гаротных да велічных гімнаў <...> *Між* трэба было ў грудзях сілы без меры / ў будучыню непахісную веру [2, Т. 2, с. 325]. Тут антытэзу ўтвараюць кантэкстуальныя рады яснае сонца – доля лапцюжная, хлеб і соль – крошкі батрачыя, неабдымныя палоскі – вузкія палоскі (адпавядаюць моўным антонімам багацце, дабрабыт – беднасць, нястача); шчасце і воля – кратаў астражных (суадносяцца з моўнымі антонімамі свабода, воля – прыгнёт, няволя); велічныя гімны – песні гаротныя (адпавядаюць моўным антонімам радасць, шчасце – гора, бяда).

Як слушна заўважае Л. А. Новікаў, «супрацьлегласці могуць у тэксце не толькі супрацьпастаўляцца, але і складацца, спалучацца, а таксама супастаўляцца, раздзяляцца, чаргавацца, параўноўвацца, дапаўняць адна адну і г.д.» [1, с. 229].

Самай пашыранай у прааналізаваных творах Максіма Танка з'яўляецца стылістычная фігура амфітэза (або фігура злучэння). Кампаненты антанімічных радоў тут не супрацьпастаўляюцца, а злучаюцца, складаюцца ў адно цэлае, паказваюць на поўны ахоп прасторы, на бесперапыннасць дзеяння і г.д. і адпавядаюць такім словам, як:

а) «усё»: Слаўны майстар Бенвенута раіў, як міне год сорок, Апісаць свае прыгоды, *Усё*, што зведаў: шчасце, гора, *Свае* пошукі і ўдачы, *Свае* радасці, пакуты... *Як жа, хлопцы, не паслухаць Мудрых словаў Бенвенуты!* [2, Т. 3, с. 60]; Як хутка дні і ночы У беззваротны вырай Кудысьці адлятаюць! А ты марудзіш недзе / да мяне не едзеш [2, Т. 5, с. 194]; І *усё* іх дзівіла ў нас: / І беднасць зямлі, / І багацце, *Палёў* *хараство, / І вясна, / І нашы лавовыя лапці* [2, с. 148]; Тады так радасна было, Прысеўшы за сталом, / лусту ўзяць у рукі, / І бульбіну ў соль памачыць, / І лыжкай зачарпнуць бацвіння. / І смачнае было *усё* – Словы і маўчанне [2, Т. 4, с. 47]; Абрыва *усё* ў вандроўцы дальняй – Чужая соль, і хлеб чужы, / І штыль, / і шторм дзесяцібальны, / З якім нялёгка падружыць [2, Т. 3, с. 189] і інш.;

б) «усякі», «усе»: Што такое вясна? Вы, пэўна, Начытаўшыся ўсялякай дрэні – / рыфмаванай, / нерыфмаванай, *Якой грош цана, – Думаеце ў захапленні: Кветкі, салаўі і цішыня* [2, Т. 3, с. 305]; А песня падарожная складаецца з шуму Вятроў і птушынага шчабятання, / З вясёлых і невясёлых думаў / і нават з маўчання... [2, Т. 4, с. 112]; О, каб сустрэць мне тых, хто б дараваў Мае грахі нявольныя і воляны! *Ана-*